

ПОСТ-ИСТИНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛАХ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЛИ МАКИНТАЙРА «ПОСТ-ИСТИНА» ИЗДАТЕЛЬСТВО МАССАЧУСЕТСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА, 2018 Г.

© Э.А. Тайсина

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

Поступила в редакцию 17.05.2022

Опубликована 01.07.2022

■ Для цитирования: Тайсина Э.А. Пост-истина в политическом и философском смыслах. Рецензия на книгу Ли Макинтайра «Пост-истина» издательство Массачусетского технологического института, 2018 г. // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 2. С. 117–123. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.14>

Аннотация. Современный американский философ анализирует содержание и употребление понятия «пост-истина», в основном на материале управления политической ситуацией со стороны медиа, но также и сферы научного познания при помощи «альтернативных фактов».

Ключевые слова: истина; пост-истина; объективность; факты; убеждения; эмоции; фальшивые новости.

POST-TRUTH IN ITS POLITICAL AND PHILOSOPHICAL SENSE. REVIEW ON THE MONOGRAPH “POST-TRUTH” BY LEE MCINTYRE MIT PRESS ESSENTIAL KNOWLEDGE SERIES, 2018

© E.A. Taysina

Kazan State University of Power Engineering, Kazan, Russia

Original article submitted 13.05.2022

Revision submitted 01.07.2022

■ For citation: Taysina E.A. Post-truth in its political and philosophical sense. Review on the monograph “Post-Truth” by Lee McIntyre MIT Press Essential Knowledge Series, 2018. Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy. 2022;4(2):117–123. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.14>

Abstract. A contemporary American philosopher analyzes the content and use of the concept of “post-truth”, mainly on examples of political situation management by the media, but also on control in the sphere of scientific knowledge with the help of “alternative facts”.

Keywords: truth; post-truth; objectivity; facts; beliefs; emotions; fake news.

Вот уже семь лет — с тех пор, как редакция Оксфордского словаря объявила его словом года — термин «пост-истина», как и то, что за ним стоит, привлекает внимание читающей публики. Термин многократно использовался для описания специфики развития массовых коммуникаций, в особенности

после «брексит» и президентских выборов в США, на которых победил Трамп. Отмечалось, однако, что броское слово впервые было использовано в современном значении еще тридцать лет назад, в эссе Стива Тесича, драматурга сербо-американского происхождения: он писал о «Войне в заливе». Цитата: «...будучи свободным народом, мы свободно решили, что желаем жить в своего рода пост-истинном мире» [1:13]. Это произошло в результате таких «неудобных», шокирующих событий, как война во Вьетнаме и Уотергейт. «Годом ранее ... вышли знаменитые заметки Жана Бодрийяра о Войне в заливе, которой “не было” собственно даже в качестве войны, то есть события с конкретными политическими целями. Симулятивная манера освещения и ведения данной не-войны, по Бодрийяру, утаивала ее “истину”, — упоминал в 2021 г. А.В. Морозов в своей рецензии на книгу Стива Фуллера 2018 г. “Post-Truth. Knowledge as Power” («Пост-истина. Знание как Власть») [2:287].

Действительно, это мир, в котором обладатели денег и власти «создают реальность». Но так было всегда. Если мы окинем взглядом всю историю, то поймем, что богатые и могущественные люди всегда имели заинтересованность (и, как правило, средства), чтобы заставить «маленьких людей» думать так, как они хотят, — указывает американский философ Ли МакИнтайр [3:103]. И пресса всегда была и остается пристрастной. Что изменилось?

То, что представляется новым в эпоху пост-истины, — утверждает МакИнтайр, — это угроза не только идее знания реальности, но и самому *существованию реальности* [3:10]. Это суждение нуждается в оговорке. Термин «факт» происходит от латинского “*fascere*”, «делать». Даже чисто этимологически, вне современной идеи «нагруженности теорией», факты — это нечто *сделанное*. Еще в 70-е–80-е гг. прошлого столетия французский философ Бруно Латур заявил, что факты следует рассматривать как *продукт исследования*. Факты, по его словам, связаны в сеть; они существуют или гибнут не в силу присущей им достоверности, а в силу институтов и практик, которые их породили и сделали понятными. Если эта сеть выйдет из строя, факты исчезнут вместе с ней¹. Разумеется, как основатель новой академической дисциплины изучения науки и техники, или STS, Латур говорил о *научных фактах* и *научном исследовании*: он никогда не был настолько радикальным или абсурдным, чтобы ставить под сомнение существование физической объективной реальности. Ли МакИнтайр в данном случае говорит о новой *социальной* реальности.

Многочисленные изобретательные эфемериды как знаки «эпохи конца» украшают последние десятилетия европейской и американской культуры: постпозитивизм, постструктурализм и пост-постмодернизм; посттеоретическое, постиндустриальное, «постабсолютистская» модернизация; смерть субъекта и смерть объекта, смерть экспертизы, смерть философии; постгуманизм, постчеловечество, постпамять, и наконец, пост-истина.

Преимущественно политологическое, идеологизированное применение терминов «пост-истина» (и «пост-правда», в отечественном дискурсе) ныне

¹ Постправда — относящаяся к обстоятельствам, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям или обозначающие их. <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/>

должно получить философское объяснение. Философия никогда не спешит с выводами, поскольку должна быть в них уверена. Однако время пришло.

В пределах только логики то, что идет *после* заданного истинного суждения (например, «сегодня тепло»), бывает совершенно нейтральным или даже миролюбивым; простое пост-суждение может стать: а) обобщением исходного («весной всегда тепло»); б) его ограничением («мне тепло»); в) применением модальностей («хорошо, что тепло»). Возможны также операции умозаключений: превращения, обращения, противопоставления предикату. Но технология изобретения пост-истины применялась в иной области: как сказано, первоначально в политико-идеологической, с выходом на морально-этические оценки. В эпистемологии, кстати говоря, место истины давно уже заняло *обоснование*. Между тем настоятельно необходима теоретико-познавательная, *гносеологическая* оценка понятия «пост-истина».

В. В. Вересаев в свое время сделал подлинно философское замечание об *искренности*: «Искренность — дело трудное и очень тонкое, она требует мудрости и большого душевного такта. Маленький уклон в одну сторону — и будет фальшь; в другую — и будет цинизм». (Из книги «Записи для себя»). В принципе это рассуждение прекрасно транспонируется для того, чтобы послужить философскому описанию ситуации истинности. Правый уклон — фальшь. Левый уклон — «логическая диверсия», некорректный, запрещенный прием полемики: цинизм «фейков». Такого рода довод является нечестным или оскорбительным в том случае, когда человек, прибегающий к нему, сам не разделяет данного убеждения и только делает вид, что присоединяется к некой идейной платформе.

Рецензируемая монография Ли МакИнтайра «Пост-истина» вполне может быть названа социально-философским произведением, написанным на материале современных медиа, прежде всего американских, циркулирующих в социальных сетях.

Эта небольшая книга (216 с.) содержит семь глав с последующими примечаниями, обширный библиографический список из сотен названий, тематический и авторский указатель, а также словарь используемых терминов (glossary). Заголовок Главы 1 сразу ставит вопрос «Что такое пост-истина?» Глава 2 носит интригующее название: «Отрицание науки как дорожная карта для понимания пост-истины». Глава 3 посвящена анализу корней когнитивного предубеждения, или предвзятости (bias); в Главе 4 рисуется картина упадка традиционных СМИ, хотя пока не таких престижных, как New York Times, Wall Street Journal, Washington Post; Глава 5 является ее закономерным продолжением, будучи посвящена расцвету социальных медиа и распространению фейк-ньюс. В Главе 6 автор задается вопросом, не постмодернизм ли привел к возникновению пост-истины. В 7-й Главе предложено вести борьбу с явлением, или состоянием, пост-истины. Тексту книги предпослан эпиграф из Дж. Оруэлла: «Во времена всеобщего обмана высказанная истина будет революционным актом». При этом Ли МакИнтайр замечает — вполне справедливо, на наш взгляд — что понятие пост-истины родилось из чувства *сожаления* — regret — со стороны тех, кто обеспокоен наступившим «помрачением» истины.

Оксфордский словарь предложил следующее определение пост-истины: «Post-truth — relating to or denoting circumstances in which objective facts are less

influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief” — Данный термин описывает такие обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям: так объяснила свой выбор редакция Оксфордского словаря 2016 г.

Ли МакИнтайр упрощает это определение и вместе с тем точнее эксплицирует интересующее нас понятие в одном из отношений: он объясняет цель использования пост-истины [3:174]: “Contention that feelings are more accurate than facts (согласие по поводу того, что чувства точнее фактов — Э.Т.), for the purpose of the political subordination of reality” (ради подчинения реальности политике. — Э.Т.).

Приставка пост- не используется для указания на то, что мы перешагнули, пережили и «изжили» правду во временном смысле; много опаснее, что сама истина переживает затмение (eclipse) и что она перестала быть важной [3:5]. Говоря об этом, Ли МакИнтайр, профессор в Бостоне и Гарварде, с первых страниц книги подчеркивает, что коллегам-философам такой оборот дела покажется вызовом; однако эта тема — нечто гораздо большее, чем академическая дискуссия (“academic hair-splitting”). Как всеохватная фраза, постправда, казалось, овладела временами. (“As a catch-all phrase post-truth seemed to capture the times”).

Обстоятельства, в которых распространяется пост-истина, *создаются* преднамеренно; ложь, по определению, всегда имеет аудиторию. Общественное мнение, целенаправленно контролируемое медиа, конструируется при помощи ленты новостей, большинство из которых — фальшивые новости, так называемые “fake news”, которые оцениваются как «подобные истине», «более-менее истинные» (шутливый оборот truthiness, некогда изобретенный комиком С. Кольбером, сегодня стал серьезным диагнозом). Не то чтобы факты были неважны; но их всегда можно затенить, отобрать, подать в формате (политического) контекста в пользу какой-то одной интерпретации правды в ущерб другой [3:6]. Проведем здесь короткую параллель с другим материалом, касающимся «постпамяти»: «...[память] необходимо не столько хранить и оберегать, сколько провоцировать, организовывать и собственно формировать» [4:331]. Хотя, — в этой игре проигрывает и тот, кто лжет, и тот, кому лгут [3:109] — если выигрышем полагать приверженность объективной истине, а проигрышем считать неправду. Представьте себе дезинформированного пациента или неверно понятую инструкцию к новому лекарству от болезни сердца... И кстати сказать, ни эпистемологи, ни представители критицизма, словом, никто из скептиков, полемизирующих по поводу человеческой способности объективно-истинного познания, заболев, не преминет пойти на визит к врачу [3:13]. Ни один из них в трезвом рассудке не поддастся фальшивой информации — хотя в менее опасной для индивидуума ситуации, скорее всего, и они попадут в общий лист, гласящий: топ-двадцать фейковых сторис на Facebook получают больше значков «поделиться» (share), чем топ-двадцать правдивых.

МакИнтайр пишет: “Fake news is not simply news that is false (or embarrassing, or inconvenient); it is *deliberately* false. It has been created for a purpose” [3:105; 113]. «Фейковые» новости — это не просто новости, которые являются ложными (или смущающими, или неудобными); они заведомо, *преднамеренно*

фальшивы. Они, как мы понимаем, пристрастно создаются ради управления публикой и руководствуются не открытием объективной истины, но изобретением смыслов с целью обмана этой самой публики. Характерно, что у МакИнтайра к этой вобщем-то известной характеристике имеется Примечание 27 (к Главе 5), разъясняющее цели производства фальшивых новостей: “Perhaps an analogy with lying will help to understand that it is the intention *to mislead* [курсив мой. — Э.Т.] — rather than the mere falsehood of its content — that makes the news fake”. В пересказе: возможно, аналогия с ложью поможет понять, что именно *намерение ввести в заблуждение, увести* читателя в сторону *от правды*, а не просто неадекватность содержания известия реальному положению дел — делает новость фейком [3: 186]. Тогда встает закономерный вопрос: что, если человек, разделяющий неправду, *действительно верит* в нее? Обман ли это? (“This does raise a question: what if the person sharing an untruth *actually believes* it? Then is it fake?”) [там же, курсив мой — Э.Т.].

В другом месте — фактически, уже во вводном параграфе — поставлено еще больше сходных вопросов: как насчет тех, кто чувствует, что имеет место простая попытка «раскрыть другую сторону» истории? Что, если реально нужно предоставить место «альтернативным фактам»? Ведь не секрет, что идея существования одной-единственной истины никогда не была свободна от противоречий? [3:6]

Ответ, с моей точки зрения, может быть только таким: если читатель не имеет, во-первых, критического мышления, а во-вторых, не пользуется широким кругом источников (или лишен обладания ими), чтобы быть в состоянии сравнивать предлагаемую информацию, тогда ничто не фейк. Можно сказать, это процедура создания аугментированной реальности. Конструирующая функция сознания в этом деле большой помощник, в особенности в условиях лавинообразной цифровизации и переноса читательского и зрительского интереса в социальные сети, изменившие весь медиаландшафт. Поначалу клиенту предлагается броский заголовок и сопутствующий вид; затем по количеству «кликов» автор материала определяет, насколько информация интересна читателю; и если эта клик-наживка (clickbait) действует, то открывается широкая дорога к дезинформации [3:105].

Какая ирония в том, что Интернет, который обеспечивает немедленный доступ к надежной информации любому, кто потрудится ее искать, для некоторых стал ни чем иным, как эхо-камерой. И как это опасно, — справедливо утверждает автор разбираемой монографии [3:95].

Ли МакИнтайр ярко и увлекательно описывает, как именно конструируется дополненная фейками реальность — в основном на примере выборной кампании Трампа, что сегодня нашего читателя не слишком интересует, если это не специалист-американист. Мы здесь остановимся на других его примерах, иллюстрирующих тревожную и даже постыдную ситуацию сформированного недоверия к науке, полемики с выводами и рекомендациями ученых — и это в XX веке, «веке науки»! И это даже не пренебрежение к фактам, но разложение, коррупция самого процесса, с помощью которого собраны достоверные факты, дабы на их основе строилось наше мировоззрение [3:11].

У МакИнтайра во 2-й Главе речь идет даже об отрицании, *science denial*, в отношении таких важных предметов, как изменение климата, вакцинация,

эволюция и др. Это циничная попытка со стороны не-экспертов, а точнее сказать, профанов, подорвать авторитет науки, поставить под сомнение ее честность, посеять сомнения в беспристрастности эмпирического исследования, полностью игнорируя добросовестную и скрупулезную научную самокритику и самоанализ с многочисленными проверками результатов. Сие необходимо лишь для выведения на сцену «других» или альтернативных теорий под предлогом «всестороннего рассмотрения спорного вопроса». «Мы производим сомнение» — девиз «пост-истинной» «экспертизы».

С точки зрения автора монографии, генезис «отрицания науки» стартовал в 50-х гг. XX столетия. Табачные фабриканты внезапно осознали насущную потребность посеять у публики сомнения в угрозе сигаретного дыма, который может вызвать — и вызывает — рак легких. Это беспокойство возникло в связи с публикацией материалов соответствующих научных исследований. Тогда, в 1953 году, в отеле «Плаза» в Нью-Йорке собрались на саммит владельцы главных табачных компаний, и спикер Джон Хилл предложил им прекратить конкурировать друг с другом по поводу того, чьи сигареты «полезнее для здоровья», и сосредоточиться на борьбе с наукой путем выработки «альтернативного исследования». Был создан TIRC — Исследовательский Комитет Табачной Индустрии. Он и занялся соответствующей деятельностью.

Ровно такая же история приключилась с научными данными об изменении климата по причине антропогенного вмешательства в природу: нефтяные компании обеспечили финансирование «альтернативных исследований», и публика получила видимость «двух сторон» конфликта, с серьезной миной освещаемого пристрастными СМИ, и вместе с этим — сомнение в честности, проверенности, правильности научных выводов. Дело не просто в том, что «отрицатели» не верят фактам, а в том, что они принимают только те факты, которые оправдывают их систему взглядов (идеологию).

Фокус не в том, пишет МакИнтайр, чтобы объяснить невежество, ложь, цинизм, безразличие, политический спин, или даже иллюзию [3:10]. Но если вспомнить логический подход — это ошибка в одной мере узкого, в другой мере широкого определения: ибо «фокус» как раз в этом, а именно, в экспликации понятий, входящих в «поле» рассуждений об истине; и это не фокус, а серьезный вызов. «Безбрежный субъективизм», насаждаемый пристрастной, ангажированной прессой, и в особенности электронными медиа в социальных сетях, где, впрочем, эффективно действует «сарафанное радио» «друзей», помогает мгновенному распространению «новостей», безразлично, истинных или фальшивых, лишь бы захватывающих. И не всегда проблема в отсутствии критического мышления... Психологический механизм летучей «манкости» фейков совершенно ясен и гениально был отображен еще Пушкиным в его стихотворениях «Признание» и «Герой»: «Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад!» — и решающее: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...»

Однако представляется необходимым более рельефно артикулировать базисные философские маркеры. С точки зрения философского направления, к которому принадлежит ситуация пост-истины, — это *крайний релятивизм*, подготовленный «эпохой» постмодерна. С точки зрения философского метода, это использование *эkleктики*, то есть несистематического, кумулятивного

нагромождения разнородных суждений, и *софистики*, не признающей первенства одного из суждений благодаря его истинности, — *под видом диалектики*. Полученного quasi-всестороннего освещения фактов с соответствующей оценкой, выгодной данному журналисту, автору очерка или издательству в отношении профита или усиления политического влияния, достаточно для оказания давления на публичное мнение. При этом пост-истина — это не просто пропаганда (или вообще не пропаганда); это конструирование социальной реальности при помощи «альтернативных фактов» или откровенных фейков.

В целом идеи автора, стиль и манера изложения, основные выводы книги вызывают лишь положительные оценки. И следует согласиться с главным из его выводов: “...something like fake news and alternative facts can easily match us down to authoritarian politics” [3:116]. Явления вроде фейковых новостей и альтернативных фактов могут легко свести нас к авторитарной политике.

Список литературы

1. Tesich S.A. Government of Lies // *The Nation*. – 1992. – Vol. 254, No. 1. – P. 12–14.
2. Морозов А.В. Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием: рецензия на книгу Стива Фуллера // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 287–297.
3. McIntair, Lee. Post-truth. The MIT Press Essential Knowledge Series, 2018. USA.
4. Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России. *Laboratorium*. – 2010. – № 2. – С. 327–347.

References

1. Tesich S.A. Government of Lies. *The Nation*. 1992. Vol. 254, No. 1. P. 12–14.
2. Morozov A.V. Kak «postistinnyj mir» nakonec stal giperveriem: recenzija na knigu Stiva Fullera. *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2021. Vol. 5, No. 3. P. 287–297.
3. McIntair Lee. Post-truth. The MIT Press Essential Knowledge Series, 2018. USA.
4. Dorman V. Ot Solovkov do Butovo: Russkaya pravoslavnaya cerkov' i pamyat' o sovetskih repressiyah v postsovetsoj Rossii. *Laboratorium*. 2010. No. 2. P. 327–347.

Информация об авторе

Эмилия Анваровна Тайсина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Казань, Республика Татарстан, Россия. **E-mail:** Emily_Tajsin@inbox.ru

Information about the author

Emilia A. Taysina, Department of Philosophy, Kazan State University of Power Engineering, Kazan, Russia. **E-mail:** Emily_Tajsin@inbox.ru